УДК 930.1

НОРМАННСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Спивак Нонна Дмитриевна
Аспирант,
Институт истории и социальных наук, кафедра истории России с древнейших времен до начала XIX века, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
SPIN-код: 4964-1991

В статье рассмотрены основные исторические этапы формирования и разработки «норманнской проблемы» в отечественной историографии. Представлены наиболее актуальные проблемы и перспективы привлечения данных палеоантропологии, в первую очередь, краниометрии, для дополнения и коррекции высказанных в ее рамках точек зрения. На основании комплекса исследований, проведенных на материале могильников «варяжской эпохи», расположенных на севере и западе древнерусских земель (от Белого озера до Ильменя и Ижорского плато, и далее до Днепра и вниз по его течению), сделан вывод о присутствии в Древней Руси контингентов мужчин молодого и среднего возраста, принадлежавших германскому антропологическому типу, а в его рамках – скандинавскому подтипу). Вместе с тем, немногочисленность этих контингентов позволяет считать их воздействие на этногенез русского народа незначительным.

Ключевые слова: история Древней Руси; «норманнская проблема»; палеоантропология; краниометрия.

NORMAN PROBLEM' IN CONTEXT OF PALEOANTHROPOLOGY

Spivak Nonna Dmitrievna
Postgraduate student, Institute of History and Social Studies, Department of Russian History from Ancient Times to Beginning of 19th Century,
Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

Main historical stages of formation and development of 'Norman problem' in Russian historiography are presented in the paper. Actual problems and perspectives in application of paleoanthropological data, primarily those craniometrical ones, for purposes of supplementing and correcting basic viewpoints in the corresponding discussion, are regarded. Basing upon a set of data acquired from burial grounds of 'Varangian age' located in the North and West of ancient Russian lands (from lake Beloe to lake Ilmen and Izhora plateau, and further, to river Dnieper and down its course), conclusion is drawn, consisting in presence of contingents of young and middle-aged men who belonged to Germanic anthropological type, and within its framework, to its Scandinavian subtype, in Ancient Rus'. At the same time, limited number of these contingents testifies to their insignificant impact to ethnogenesis of the Russian people.

Keywords: ancient Russian history; 'Norman problem'; paleoanthropology; craniometry.

*****

«Реша русь, чюдь, словени, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней неть. Да пойдете княжить и володети нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша…» [1, С. 13]. Это известное сообщение, помещенное в составе текста Повести временных лет и находящее

себе, как известно, некоторые параллели в русском летописании, получило в дальнейшем большую известность и составило предмет дискуссии по норманнской проблеме, ведущейся в отечественной историографии уже почти триста лет. Как известно, в качестве отправной точки этой дискуссии условно принят длительный диспут М.В. Ломоносова и Г. Миллера, основной этап которого проходил в 1749-1750 годах [2].

В следующем, XIX столетии, фокальную точку составил диспут М.П. Погодина и Н.И. Костомарова, прошедший на базе Санкт-Петербургского университета весной 1860 года [3]. Еще через сто лет на базе Ленинградского университета прошла третья дискуссия по норманнскому вопросу, где в качестве основных диспутантов выступили И.П. Шаскольский и Л.С. Клейн [4]. Приведенная выше периодизация является не более чем вспомогательным средством организации материала, поскольку со своей общей оценкой материла по норманнской проблеме и целым рядом конкретных аргументов за это время выступили практически все ведущие отечественные историки – от В.Н. Татищева до М.М. Щербатова в XVIII веке, до Н.М. Карамзина до С.М. Соловьева и В.О. Ключевского в XIX веке, и от М.Н. Покровского – до Б.Д. Грекова, Б.Д. Рыбакова и В.Л. Янина в XX веке.

Общий вывод на сегодняшний день представляется довольно ясным: не отрицая присутствия варяжских воинских контингентов на древнерусских землях, отечественные историки считают их участие в этногенезе русского народа, а также формировании древнерусского государства довольно незначительным. Вместе с тем, дискуссия оказалась удобным проблемным полем для постановки и обсуждения целого ряда серьезных проблем. Надо учесть и то, что сам «норманнский вопрос» давно уж перешагнул границы науки и перешел в область общественного сознания. Достаточно обратить внимание на то, что структурно схожее с несторовым текстом известие Видукинда Корвейского о призвании саксов не вызвало ни в британском обществе, ни исторической науке ничего похожего на то, что происходило у нас.

К числу серьезных проблем, упомянутых выше, относится привлечение данных смежных и частных по отношению к историографии наук. На протяжении XVIII–XIX века, в русло дискуссии по «норманнской проблеме» вводились во все возрастающем объеме данные древнерусских летописей и западноевропейских хроник, скандинавских саг и сообщений арабских путешественников, попутно отрабатывались приемы источниковедения и текстологии. Активно привлекались данные этимологии, ономастики, эпиграфики, фольклористики. На протяжении XX века происходило освоение обширного археологического материала и вырабатывались методы его включения в аргументы сторон.

В настоящий период наиболее актуальными представляются данные, полученные в рамках антропологии и генетики. Целью настоящей статьи является оценка проблем и перспектив учета данных, полученных в рамках первой из них в историографии «норманнского вопроса». В первую очередь, речь пойдет о данных краниометрии и краниоскопии, дающих историку целые серии весьма конструктивных и доказательных аргументов. Что же касается генетики, точнее сказать, целого блока входящих в нее наук (прежде всего, палеогенетики, популяционной генетики / генетической географии, генетической генеалогии), мы планируем посвятить ей особую работу.

Научное описание структуры черепа человека восходит к выпущенным в свет в первые десятилетия XX века трудам К. Пирсона и Р. Мартина, в особенности последнего, протоколы которого послужили основанием советской антропологической школы. В основе данного подхода лежит установление четкого списка точек, расположенных на определенных местах черепа. Далее между ними определяются абсолютные расстояния, а на их базе рассчитываются пропорции. В результаты получается список, состоящий из нескольких десятков показателей, которые позволяют с высокой точностью определить основные особенности черепа

человека (достаточно полный перечень этих признаков приведен в классической работе академика В.П. Алексеева [5, С. 52-75].

Отправной точкой в изучении антропологических аспектов «норманнской проблемы» являются труды академика Т.И. Алексеевой. Изучив с достаточно большой точностью процесс этногенеза русского народа, включая его древнейшие стадии, исследовательница обратилась к возможности разделения древних славян и древних германцев согласно строению их лица и черепной коробки в целом [6]. Рассмотрев довольно обширный, предоставленный археологами материал, она пришла к выводу, что для корректного различения в данном случае будет достаточно всего четырех базовых индексов. Для получения первого, следует разделить высоту черепа на уменьшенную вдвое сумму его обоих диаметров (поперечного и продольного). В качестве второго индекса принимается так называемый фацио-церебральный указатель, то есть отношение высоты лица к высоте черепа. Третий индекс получается, как частное от деления высоты орбиты на высоту черепа. Четвертый индекс рассчитывается как частное от деления ширины носа на ширину лица, то есть выступает, как дополнительный по отношению к третьему [7, С. 58-59].

Приведенных выше четырех индексов достаточно для того, чтобы корректно разделить между собой черепа древних германцев и древних славян. Надо отметить, что в рамках каждого из них существуют значительные вариации. К примеру, черепа скандинавов проявляют черты структурного отличия от северных немцев. Однако эти отличия не выходят за пределы заранее определенного интервала, который не пересекается с интервалом, определенным для черепов древнерусского населения. Как замечает Т.И. Алексеева в связи с этим, «в ряду колебаний этих соотношений германцы и восточные славяне занимают диаметрально противоположное положение, западные и южные славяне располагаются между ними, с большей близостью к восточным славянам» [7, С. 58-59].

Цитированное положение сохраняет свою значимость для исследований палеоантропологов и по сею пору. Первый шаг в этом направлении был сделан самой Т.И. Алексеевой, введшей в научный оборот результаты исследования одного из могильников на Земляном городище Старой Ладоги, относящегося к XI веку (предварительное исследование данного массива из 39 мужских и 5 женских черепов было проведено В.В. Седовым). По времени данный могильник довольно далеко отстоит от призвания варягов, однако тут надо принять во внимание, что Старая Ладога была получена Ириной-Ингегердой во владение от Ярослава Мудрого, тогда же там был расположен варяжский гарнизон во главе с родственником Ингегерды, ярлом Рёгнвальдом Ульвссоном.

Знакомясь с усредненными результатами обмера мужских черепов из данного могильника, проведенного по 20 показателям, мы видим, что практически все они принадлежат интервалу, характерному для германцев, и никуда за его пределы не выходят (единственное исключение составляет индекс, связанный с высотой орбиты, но и там отклонение является минимальным) [6, С. 266]. Таким образом, в рамках советской антропологии было получено достаточно убедительное свидетельство присутствия молодых мужчин германского происхождения на территории Древней Руси на самом излете «варяжской эпохи». Заметим, что более четкая атрибуция лиц, захороненных на Земляном городище на настоящий момент невозможна. Причина этого состоит как в том, что характерные именно для скандинавов признаки соседствуют там с характерными для других германцев, а каких-либо характерных артефактов, позволяющих уточнить атрибуцию останков, в захоронении обнаружено не было.

Следуя логике работы Т.И. Алексеевой, отечественные антропологи расширили географический горизонт обследованных останков. Наиболее представительное захоронение лиц с черепами германского антропологического типа к востоку от Волхова было обнаружено близ поселка Куреваниха на реке Молога, на западе современной Вологодской области. Оно содержало 5 мужских черепов и было примерно датировано XII веком, то есть временем, выходящим за пределы эпохи викингов.

К западу от Волхова внимание исследователей привлек ряд могильников, расположенных на Ижорском плато. Прежде всего, здесь выделяется захоронение у поселка Канарщина (XII-XIII в., 4 мужских черепа). Следуя дальше на юг, естественным было бы ожидать находок этого типа в крупных города, вроде Великого Новгорода, или в крупных транзитных центрах, типа Гнездово. Однако в первом случае таких находок пока не сделано, в связи, прежде всего, со слабой обследованностью некрополей «варяжской эпохи». Во втором случае, преобладало трупосожжение, что практически исключает проведение точного антропологического анализа.

Следуя ниже по течению Днепра, мы приходим к могильнику в Шестовицах, рядом с Черниговом. В нем обнаружен представительный варяжский некрополь X века (11 мужских черепов). Что касается Киева, то там никаких следов варяжских или германских захоронений обнаружено не было (библиографию вопроса см. [8, С.14-26]).

В количественном отношении состав этих могильников совсем невелик, что дает дополнительный аргумент в пользу относительной малочисленности варягов на территории Древней Руси. Вместе с тем, в географическом отношении он весьма показателен, поскольку отмечает на карте Древней Руси те точки, где присутствие варягов следует считать наиболее вероятным. С одной стороны, это путь по озерам и рекам от финского залива – на восток, к Белому морю, с другой – от Ильменя на юг, к верховьям Днепра, и далее вниз по этой реке. Эти направления были кодированы в летописях, соответственно, именами Синеуса (Белое озеро), Трувора (Изборск), и Аскольда и Дира, а позже Олега (путь вниз по Днепру).

Связав сплошной линией Белое озеро, Ильмень и окрестности Чернигова, мы получаем на карте те местности, где к настоящему времени обнаружены наиболее крупные могильники, предположительно связанные с варягами, на которых можно ожидать и новых находок этого рода. На этом основании мы предложили именовать их «варяжской дугой» [9, С. 156]. По нашему мнению, поиски варяжского антропологического материала в пределах этого историко-географического конструкта являются наиболее перспективными.

Весьма актуальным направлением разработки антропологического аспекта «норманнской проблемы» является формализация сопоставления материала, полученного из разных могильников. В качестве примера, обратимся к известной работе С.Л. Санкиной, в рамках которой было проведено сопоставление краниологических характеристик останков людей, проживавших в различных регионах Западной Европы (преимущественно срединной и северной, от Ирландии до Скандинавии), и Восточной Европы (в первую очередь, северных и центральных русских земель). Всего было исследовано 40 краниологических серий, относящихся преимущественно к интервалу от VI до XIII века. Они были сопоставлены по 9 краниометрическим индексам, общепринятым в западноевропейской науке (в отечественной антропологии чаще всего используется набор из 14 признаков, 5 из которых пришлось исключить из анализа для достижения полной сопоставимости данных).

Обработка данных производилась по методу канонического анализа, что позволило выделить признаки, определяющие большую часть разброса данных (дисперсии). Так, первые два канонических вектора в сумме определяют 53,5% дисперсии. Это позволило сформировать из них двумерное пространство, в рамках которого каждый могильник имеет две координаты. Расположив в этом пространстве точки, каждая из которых соответствует одному из сорока могильников, исследователь получила наглядную картину сравнительной близости разных популяций [8, С. 174].

Анализируя полученный график, мы замечаем два обстоятельства, существенно важные для нас. Прежде всего, западноевропейские (в первую очередь, германские) популяции располагаются в одной части графика, а восточноевропейские (в основном, древнерусские) – в другой. Следовательно, подтверждается вывод Т.И. Алексеевой о существенном различии (а по некоторым признакам – и противоположности) славян и германцев. Кроме того, мы видим

четыре древнерусских популяции, размещающиеся не в славянской, а в германской части графика, это – материал, полученный из могильников Земляного городища в Старой Ладоге, а также Куреванихи, Канарщины и Шестовиц. Как следствие, получает подтверждение и тезис о принадлежности соответствующих останков германскому антропологическому типу.

Близкая методика обработки данных была недавно применена С.Г. Ефимовой. В своем исследовании она привлекла данные по 160 сериям черепов, относящихся к интервалу от V до XIII века. Эти серии также охватывали довольно широкий ареал, преимущественно северных регионов, как Западной, так и Восточной Европы. Обработка производилась по 10 индексам, что делало данные не вполне сравнимыми с анализом С.Л. Санкиной. По результатам статистических подсчетов, С.Г. Ефимова выделила 2 канонических вектора, в сумме охватывающих 43,7%. На этой основе и было сформировано двумерное пространство, в котором были размещены точки, каждая из которых кодировала одну краниологическую серию. Результат этого анализа представлен на графике [10, С. 201].

Анализируя указанный график, следует выделить наличие двух существенных закономерностей. С одной стороны, германские популяции занимают одну его часть, а древнерусские – другую. С другой стороны, существуют немногочисленные древнерусские могильники, входящие в германскую часть графика. Прежде всего, это уже знакомый нам могильник XI века на Земляном городище в Старой Ладоге. Как следствие, общая тенденция, выделенная С.Л. Санкиной проявляет черты структурного сходства с наблюдениями С.Г. Ефимовой. Отметим, что на ее графике можно найти и обратные случаи. К ним можно отнести черепа из датского могильника, входящие в древнерусскую часть графика. Детальное объяснение этого факта относится к будущему, пока же можно отметить, что активное смешение западных славян (прежде всего, ободритов) со скандинавами (чаще всего, датчанами), историкам хорошо известно.

По сходной методологии было выполнено исследование Ю.В. Долженко, в которое были включены 77 мужских краниологических серий из Западной и Восточной Европы, относящихся к раннему Средневековью. В силу того, что в фокусе интереса автора находились могильники юга Древней Руси, включая Шестовицы, из северных могильников в него была включена только Старая Ладога. Сравнение проводилось по 10 опорным признакам [11, С. 15-16]. Точность основанного на них анализа является значительной: в варианте с двумя каноническими векторами, поддается объяснению 74,8% разброса данных, с тремя – 99,9%.

В содержательном отношении, автор приходит к уже знакомым нам закономерностям: как Старая Ладога, так и Шестовицы, входят в германскую часть соответствующего графика. При этом, у каждого графика обнаруживаются свои особенности. Так, на двумерном графике Старая Ладога и Шестовицы располагаются близко друг к другу, при этом к ним очень близки ободриты. На трехмерном же графике Старая Ладога расположена довольно далеко от Шестовиц, при этом первая приближается к скандинавам, а вторая – к немцам. Подробное рассмотрение этих особенностей составляет сюжет этой работы. Отметим лишь, что данные краниометрии нашли себе независимую поддержку в рамках краниоскопии – смежной области антропологического знания.

Формирующаяся таким образом, довольно стройная концепция антропологических свидетельств присутствия варягов на Руси вызвала оживленную дискуссию в научной литературе. Положительно оценив ее основные положения, ученые выделили в ней и ряд моментов, заслуживающих исправления и доработки. Во-первых, серии черепов из разных концов «варяжской дуги» проявляли черты не только сходства, но и различия. Следовательно, они принадлежали волнам миграции, начавшихся в разных точках германского мира и в разное время [12, С. 95-96].

Во-вторых, черты сходства, присущего черепам лиц, живших как на западной стороне Балтийского моря (прежде всего, в древнем Свеаланде), так и на его восточной стороне (на древнерусских землях), могли быть обязаны наличию одного,

общего для них субстрата. Наличие такого древнейшего антропологического типа, характеризующегося долихокранией, высоким лицом и узким носом, и относившегося еще ко временам бронзы и раннего железа, давно предполагалось антропологами [13, С. 91].

В-третьих, при агрегации многочисленных и иной раз довольно разнородных краниологических серий утрачиваются порой существенные черты их специфики. В этих условиях, ученые предлагают дополнить такой подход работой исключительно на «палеопопуляциях» (то есть сериях, происходящих из одного могильника – в крайнем случае, из группы максимально близких друг к другу таковых).

На основании сказанного, можно сделать следующие выводы:

На довольно обширном пространстве древнерусских земель, то есть в полосе от Белого озера – до реки Волхов и Ижорской возвышенности, и далее – до среднего течения реки Днепр, в ходе «варяжской эпохи» и некоторого времени после нее, отмечается присутствие контингентов мужчин молодого и среднего возраста, принадлежавших германскому антропологическому типу (а в его рамках, в достаточно большом количестве случаев – скандинавскому типу);

Немногочисленность таких останков, обнаруженных к настоящему времени в могильниках «варяжской дуги», дают основание утверждать, что варягов на Руси было довольно ограниченное количество, так что не приходится говорить об их участии в этногенезе русского народа;

Результаты, полученные путем применения методов палеоантропологии, обладают научной новизной, достоверностью и безусловной конструктивностью для продолжения разработки «норманнской проблемы» в отечественной историографии.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю - доктору исторических наук, профессору кафедры истории России с древнейших времён до начала XIX века - Н.В. Эйльбарт, и доктору исторических наук - профессору Л.Ю. Гусману.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 668 с.

2. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.6 / М.В. Ломоносов – Москва – Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 689 с.

3. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига: Т.1 / М.П. Погодин. – Москва: Академический проект; Парадигма, 2020. – 535 с.

4. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. / Л.С. Клейн. – Санкт-Петербург: Евразия, 2009. – 400 с.

5. Алексеев В.П. Краниометрия. Методика антропологических исследований. / В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебец. – Москва: Наука, 1964. – 128 с.

6. Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. / Т.И. Алексеева. – Москва: Издательство Московского Университета, 1973. – 333 с.

7. Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных / Т.И. Алексеева // Вопросы истории. – 1974. – № 3. – С. 58-67.

8. Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. / С.Л. Санкина. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. – 207 с.

9. Спивак Н.Д. «Призвание варягов» в контексте современных историко-антропологических данных / Н.Д. Спивак // Ганзейский союз: от зарождения к возрождению. – 2024. – Вып. 1. – С. 149-159.

10. Ефимова С.Г. Восточнославянский ареал на антропологической карте средневековой Европы / С.Г. Ефимова // Восточные славяне. Антропология и этническая история. – Москва: Научный мир, 2002. – С. 185-204.

11. Долженко Ю.В. Населення давньоруського міста Желні за краніологічними матеріалами / Ю.В. Долженко, О. Прядко // Наукові записки з української історії. – 2016. – Вып.38. – С. 3-22.

12. Пежемский Д.В. Скандинавское присутствие на Северо-Западе по данным палеоантропологии / Д.В. Пежемский // Староладожский сборник. – 2012. – Вып.9. – С. 88-107.

13. Герасимова М.М. Современный этап палеоантропологических исследований восточнославянского средневекового населения /М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский/ Палеоантропология Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 78-97.